

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ М.С. ГОРБАЧЕВА

12 октября 1986 года

Добрый вечер, дамы и господа, товарищи! Приветствую всех вас.

Прошло около часа, как завершилась наша встреча с Президентом США господином Рейганом. Она продолжалась немножко дольше, чем мы намечали. Дело этого потребовало. И я хочу извиниться перед вами, что не прибыл на пресс-конференцию в назначенное время.

Вы уже знаете, что встреча состоялась по инициативе советского руководства. Но, естественно, ее не было бы, если бы не было согласия со стороны господина Рейгана. Поэтому, я бы сказал, **это было наше совместное решение провести встречу в Рейкьявике.**

Теперь она закончилась. Иногда говорят, что лицом к лицу лица не увидать. Я только что со встречи, которая, особенно на последнем ее этапе, проходила в горячих дискуссиях. И нахожусь еще во власти впечатлений от этих дискуссий. Тем не менее я постараюсь уже сейчас не только поделиться своими впечатлениями, но и разобраться, что же произошло. И все же это будут первые впечатления, первые оценки, первый анализ. Еще предстоит основательнее оценить всю встречу.

Встреча произошла крупная, и вы это почувствуете, когда я расскажу о ее содержании, о проблемах, которые были на ней предметом очень широкого, очень интенсивного, очень заинтересованного обсуждения.

Атмосфера на встрече была дружественной. Мы имели возможность свободно и без ограничений излагать свои взгляды. Это позволило нам углубить понимание по многим крупным проблемам мировой политики, двусторонних отношений и прежде всего по тем вопросам, которые стоят в центре внимания всей мировой общественности, – по вопросам войны и мира, прекращения гонки ядерных вооружений, словом, по всему комплексу вопросов, охватываемых этой темой.

Я регулярно читаю мировую прессу и в эти дни видел, насколько широкий резонанс вызвало сообщение о ее проведении. Много было сказано в связи с этим и в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС, и Президента США, задавали вопрос, а не поторопились ли они, есть ли необходимость в такой встрече, кто кому уступил, кто кого переиграл и т. д. и т. п. Но, знаете, **поворот, который послужил исходным моментом нашего предложения Президенту США безотлагательно встретиться, и его решение позитивно откликнувшись на это приглашение очень значительны.**

Теперь я хочу вернуться к Женеве, когда мы встретились впервые. (*Встреча М.С. Горбачева с Р. Рейганом проходила в Женеве 19-21 ноября 1985 года.*) Это был крупный диалог, и сейчас, по истечении немалого времени, мы так же оцениваем Женевскую встречу.

Тогда, если вы помните, мы признали особую ответственность СССР и Соединенных Штатов Америки за сохранение мира и вместе заявили, что ядерная война никогда не должна быть развязана и что в ней не может быть победителей. Это признание огромной важности. Мы заявили также, что ни одна из сторон не будет стремиться к военному превосходству. Это тоже очень важная констатация.

После Женевы прошел почти год. Советское руководство осталось верным обязательствам, которые оно приняло на себя там. Вернувшись из Женевы, мы продлили свой мораторий: он у нас был до 1 января нынешнего года. 14 месяцев на наших полигонах царит тишина, – это ли не свидетельство нашей приверженности договоренностям в Женеве, нашей ответственности за судьбы мира. Это все нелегкие решения, если учесть, что взрывы в Неваде продолжались, происходят и сейчас. 15 января мы выступили с крупным Заявлением, в котором была обоснована программа ликвидации ядерного оружия к концу нынешнего века.

В июне нынешнего года государства Варшавского Договора внесли крупную комплексную программу о масштабном сокращении обычных

вооружений и вооруженных сил в Европе¹. Это тоже крупный шаг с учетом тех озабоченностей, которые высказывались западноевропейцами и Соединенными Штатами.

Извлекая уроки из чернобыльской трагедии, мы выступили с инициативой о проведении специальной сессии Генеральной конференции МАГАТЭ в Вене. Она состоялась, и вы знаете ее итоги – они многообещающи. Теперь мы имеем международный механизм, позволяющий решать многие важнейшие вопросы безопасности ядерной энергетики.

Иначе говоря, в истекший период – и думаю, что не впадаю в преувеличение, так оценивая нашу политику, ибо я говорю о фактах, а не просто о намерениях, – мы все делали, чтобы помочь формированию нового мышления в ядерный век. С удовлетворением мы отмечаем, что ростки этого нового мышления прорастают, особенно на европейской ниве. В частности, это проявилось в успехе Стокгольмской конференции².

Может быть, я и закончу на этом перечень тех конкретных акций, которые мы предприняли, руководствуясь духом и буквой договоренностей с Президентом Рейганом в Женеве. Сами факты, думаю, позволяют вам оценить серьезность нашего к ним отношения.

Почему же все-таки потребовалась встреча в Рейкьявике, каковы были мотивы этой нашей инициативы?

Дело в том, что надежды на крупные перемены в мировой обстановке, которые у всех у нас возникли, вскоре после встречи в Женеве начали угасать. И я думаю – не без оснований. На советско-американских переговорах очень много было всего сказано, может, даже

¹ Речь идет о заседании Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского Договора состоялось 10-11 июня в Будапеште.

² Стокгольмская конференция по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе проходила с 17 января 1984 г. по 19 сентября 1986. Конструктивный подход к европейским проблемам нового советского руководства во главе с Горбачевым внес заметный вклад в продвижение Стокгольмской конференции к успешному завершению.

слишком много, гуляло, как я вчера говорил Президенту, 50-100 вариантов всяких предложений. Одно это уже вызывает сомнения в плодотворности дискуссий, которые там ведутся. Если бы были один-два, ну пусть три варианта, что позволяло бы как-то сузить дискуссию, сосредоточить поиски на каких-то важных направлениях, то можно рассчитывать, что поиски завершатся выходом на какие-то конкретные соглашения и предложения правительствам. Но ничего этого не происходит в Женеве, хотя там обсуждаются главные вопросы мировой политики.

В последнее время эти переговоры, попросту говоря, идут на холостом ходу, практически зашли в тупик. **Гонка вооружений не остановилась, и все очевиднее дело подходит к такой черте, за которой неизбежен новый виток этой гонки с непредсказуемыми последствиями – политическими и военными.**

Наши крупные инициативы, о которых я говорил выше, вызвали широкий отклик у мировой общественности. Но они не нашли должного понимания у американской администрации.

Обстановка ухудшалась, тревога в мире вновь стала нарастать. Думаю, не преувеличу, – да вы сами свидетели этого – мир бурлит. Мир бурлит и требует от руководителей всех стран, и прежде всего крупных держав, в первую очередь от Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, политической воли, решимости, способной остановить опасные тенденции.

Итак, надо было сделать что-то такое, чтобы переломить такой ход событий. И мы пришли к выводу: **нужен новый импульс, мощный импульс, чтобы повернуть процесс в нужном направлении. Такие импульсы могли последовать только от руководителей СССР и Соединенных Штатов Америки.** Именно поэтому, отвечая Президенту Рейгану на его письмо от 25 июля, я решил пригласить его незамедлительно встретиться. Я писал: ситуация такова, что нам надо отложить все дела на день-два и

безотлагательно провести встречу. Это письмо было передано Президенту товарищем Шеварднадзе.³

И вот теперь эта чрезвычайно важная встреча состоялась. Мы полагали, что от ее итогов многое будет зависеть. И, конечно, приехали на встречу не с пустыми руками.

С чем мы приехали в Рейкьявик? Мы привезли целый пакет крупных предложений, которые, если бы они были приняты, могли действительно в короткий срок внести, я бы сказал, перелом на всех направлениях борьбы за ограничение ядерного оружия и реально отвести угрозу ядерной войны, позволили бы начать движение в сторону к безъядерному миру.

Я предложил Президенту, чтобы мы тут же, в Рейкьявике, дали обязывающие поручения своим министрам иностранных дел и другим соответствующим ведомствам подготовить **три проекта соглашений**, которые мы с Президентом могли бы потом подписать во время моего визита в Соединенные Штаты Америки.

Первое - по стратегическому оружию – сократить его на 50 процентов и не меньше. Причем с таким расчетом, чтобы уже к концу века полностью ликвидировать это самое смертоносное оружие. Мы исходили из того, что мир ждет действительно крупных шагов, глубоких сокращений, а не каких-то косметических шагов – только бы успокоить на какой-то период общественное мнение. Пришло время, когда действительно нужны смелые, ответственные действия в интересах всего мира, в том числе народов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Конечно, советская и американская делегации, которым было бы поручено готовить проект соглашения по стратегическому оружию, должны были бы хорошо и честно сбалансировать сокращение исторически сложившейся его структуры. Речь идет о той самой триаде, которая была

³Письмо было передано Р. Рейгану министром иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе 19 сентября 1986 года.

признана еще при разработке ОСВ-2⁴. Но когда начали обсуждать этот вопрос с Президентом, в ответ нам вновь было вытащено все то, что фигурирует на Женевских переговорах, – все эти уровни, подуровни, словом, много арифметики, и все для того, чтобы запутать существо вопроса. Тогда мы внесли такое уточнение – сократить наполовину каждую часть стратегических наступательных вооружений: стратегические ракеты наземного базирования, стратегические ракеты на подводных лодках и стратегические бомбардировщики.

Американская делегация с этим согласилась. Таким образом, мы договорились по очень крупному вопросу.

Причем обращаю ваше внимание, что здесь мы пошли на серьезные уступки. Вы помните, по-видимому, что, когда мы выдвигали в Женеве предложение о 50-процентных сокращениях, мы зачисляли и средние ракеты в число стратегического оружия, поскольку они достигали нашей территории. Сейчас мы отказались от этого требования, сняли мы и вопрос о средствах передового базирования.

Итак, благодаря этим крупным уступкам состоялась договоренность в Рейкьявике по сокращению стратегического оружия.

Второе наше предложение относилось к ракетам средней дальности. Мы предложили поручить подготовить соглашение и по этому типу оружия, имея в виду отказаться от всех до сих пор обсуждавшихся вариантов – промежуточных, временных и так далее – и вернуться к прежнему американскому, то есть – полностью уничтожить американские и советские средние ракеты в Европе. При этом, в отличие от наших Женевских предложений, мы оставляли теперь совсем в стороне ядерный потенциал Франции и Англии. Хотя, вы понимаете, это была с нашей стороны очень

⁴ ОСВ-2 - Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений, или договор ОСВ-2 был подписан 18 июня 1979 г. в Вене на встрече в верхах Л.И. Брежнева и президента США Д. Картера. Основным положением Договора ОСВ-2 стало ограничение количества стратегических носителей на уровне 2400 единиц).

большая уступка. Ведь эти две страны – союзники США и обладают ядерным потенциалом, который продолжает наращиваться и совершенствоваться. А вся их военная деятельность плотно координируется в рамках НАТО. Это нам доподлинно известно. Тем не менее мы сняли это препятствие к соглашению.

Далее. Была озабоченность по Азии. Мы и здесь предложили компромисс: садимся сразу за переговоры, выясняем претензии и находим решение. Понимали мы, что неизбежно встанет вопрос о ракетах дальностью менее тысячи километров. И по этому вопросу мы внесли предложение: замораживаем эти ракеты и вступаем в переговоры об их судьбе.

Вот на какие крупные меры мы хотели пойти. Мне кажется, что американцы не ожидали от нас такого, но дискуссию развернули, откровенно заявили, что их не устраивает – убрать свои ракеты из Европы. Начали вновь приглашать нас на промежуточный вариант. Мы же настаивали на полном освобождении Европы от советских и американских ракет средней дальности.

В ходе дискуссии по этому вопросу мы обратили внимание Президента США на то, что он, выходит, отрекается от своего детища – от «нулевого варианта», который в свое время настойчиво предлагал, хотя теперь пошли ему навстречу.

Дискуссия продолжалась до сегодняшнего дня, острые дискуссии, и мы решили сделать еще один конструктивный шаг – заявили, что при ликвидации американских и советских ракет в Европе соглашаемся оставить по 100 боеголовок на своих средних ракетах в Азии, а американцы – столько же на своих таких же ракетах на территории США. В конце концов договорились и по этому типу ядерного оружия, хотя, как я уже сказал, и здесь помогла наша крупная уступка.

Надо же начинать движение. Я уже не раз об этом говорил. Нужны смелые, нестандартные решения! Если мы будем все время искать советы в прошлом, пользоваться тем, что относится совсем к другому времени, не обращать внимания на то, где мы находимся сегодня и где мы будем завтра, и что этого завтра вообще может не настать, если мы так будем поступать, то

никакого диалога не получится. Надо же начинать с чего-то? И мы пошли на такой шаг, хотя, повторяю, это нелегко для нас.

В связи с готовностью пойти на глубокие сокращения ядерных вооружений мы поставили вопрос так: коль мы вступаем в конкретный этап ликвидации ядерного оружия, то должна быть полная ясность в отношении контроля. Теперь контроль должен быть ужесточен. И Советский Союз выступает за тройной контроль, который бы обеспечил полную уверенность каждой стороны, чтобы она не оказалась в западне, в ловушке. Мы подтвердили свою готовность к любым формам контроля. Ввиду нашей такой позиции и этот вопрос был снят.

Другая проблема в связи с тем, что мы приступаем к практической ликвидации ядерного оружия, такова: у каждой стороны должна быть гарантия, что за этот период ни одна из них не станет добиваться военного преимущества. По-моему, это совершенно справедливая, законная постановка вопроса – и с политической, и с военной точек зрения.

С политической: если мы начинаем сокращение, то должны позаботиться о том, чтобы все тормоза, которые сегодня действуют и стоят на пути создания новых видов оружия, были бы не только сохранены, но и укреплены.

С военной точки зрения: действительно надо позаботиться, чтобы, пока шел бы процесс сокращения, одна из сторон тайком не подготовила и не перехватила бы инициативу и не добилась военного превосходства. Это недопустимо. Это я отношу к Советскому Союзу. Но мы вправе предъявить такое же требование и к американской стороне.

Вот почему мы поставили вопрос так: в обстановке, когда выходим на этап реального, глубокого сокращения, в течение десяти лет – а именно так выглядела у нас вся эта ситуация на встрече – ликвидировался бы ядерный потенциал Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, надо не только не раскачивать механизмы, сдерживающие гонку вооружений, но упрочить их, и прежде всего такой, как ПРО. И наше

предложение сводилось к следующему. Мы укрепляем бессрочный Договор ПРО одинаковым обязательством обеих сторон, что они в течение этих десяти лет не будут пользоваться правом выхода из договора. Это как раз те десять лет, когда будет происходить сокращение ядерного потенциала.

Правильная, логичная постановка? Логичная. Серьезная? Серьезная. Отвечающая интересам обеих сторон? Да, отвечающая. В нашем предложении мы подчеркивали, что в течение десяти лет все требования ПРО строго соблюдаются, остаются разрешенными только исследования и испытания в рамках лабораторий.

Что мы этим самым хотели сказать? Мы знаем приверженность американской администрации, Президента к СОИ. Наше согласие на продолжение лабораторных испытаний давало бы Президенту возможность до конца довести свою идею и выяснить, что же это такое СОИ. Хотя, должен сказать, для многих и для нас уже ясно, что это на самом деле.

И вот тут-то и началась настоящая схватка двух подходов в мировой политике к таким вопросам, как прекращение гонки вооружений, запрещение ядерного оружия. Президент настаивал до конца на том, чтобы Америка имела право исследовать и испытывать все, что относится к СОИ, не только в лабораториях, но и за пределами, в том числе в космосе. Но кто же на это может согласиться?

И вот оказалось: мы были на грани принятия крупнейших исторических решений, ибо до сих пор в прежних договорах – ПРО,

ОСВ-1⁵, ОСВ-2 - речь шла только об ограничении вооружений, а теперь – значительном сокращении. И поскольку американская администрация, как мы теперь еще раз убедились, стремится, уверовав в свое

⁵ ОСВ-1 - Договор об ограничении стратегических вооружений, который ограничивал количество баллистических ракет и пусковых установок обеих сторон на том уровне, на котором они находились в тот момент, был подписан 26 мая 1972 г.

технологическое преимущество, вырваться через СОИ к военному превосходству, она пошла на то, чтобы похоронить эти почти достигнутые договоренности, которые мы уже согласовали. Осталось только дать поручение вырабатывать договоры и процедуру – как их практически реализовать. А в Вашингтоне во время моего визита можно было все это подписать. Американская сторона сорвала это решение.

Я сказал Президенту: мы упускаем исторический шанс. Еще никогда не были так близки наши позиции. Президент, прощаясь, сказал мне, что он разочарован и что я, мол, приехал с нежеланием подписывать соглашение, договоренность. Почему, говорил он, вы из-за одного слова проявляете такую твердость в подходе к СОИ и к проблеме испытаний? Я ему ответил: дело не в слове, а в существе.

В подходе американской администрации к СОИ – ключ к пониманию того, что у нее на уме. А у нее на уме то, что на уме у американского военно-промышленного комплекса. Она в его власти, и Президент не свободен принять такое решение.

Мы делали перерывы, возобновляли дискуссии, и я видел, что Президент не получил поддержки. Вот почему сорвалась встреча, провалилась договоренность, когда уже мы были близки к тому, чтобы выйти на исторический итог. Такова драматическая ситуация, которая сложилась на встрече в Рейкьявике, когда, несмотря на весьма значительные уступки с нашей стороны, мы не смогли договориться.

В свое время хоть и трудный был у нас диалог с США, но он продолжался после Женевы. Я высказывал Президенту свою точку зрения относительно того, какой должна быть наша встреча в Соединенных Штатах Америки во время моего визита. Она – не условие, а понимание нашей ответственности: и моей, и Президента. Ответственность диктует именно так подходить к будущей встрече в Вашингтоне.

Встреча нужна результативная. Она должна действительно привести к ощутимым результатам и кардинальным изменениям, особенно в таком

жгучем вопросе, каким является контроль над ядерным вооружением, прекращение гонки вооружений, ликвидация ядерного оружия. Я писал Президенту в письмах и сказал на нашей встрече: нельзя нам с Вами, господин Президент, допустить, чтобы наша встреча в Вашингтоне провалилась. Поэтому же я высказался за то, чтобы встретиться безотлагательно, что и произошло теперь здесь, в Рейкьявике. У нас есть что конструктивно внести и договориться на встрече в Вашингтоне, серьезные предложения, серьезные проекты решений.

Я не могу себе допустить и мысли – ни на минуту, чтобы встреча в Вашингтоне провалилась. Что тогда, вообще говоря, должны думать люди – и в Советском Союзе, и в США, и во всем мире. Что же это за политики стоят во главе двух таких огромных государств, с которыми в значительной мере связана судьба всего мира? Они встречаются, переписываются, уже третья встреча у них, и ни о чем не могут договориться! Такой исход, я считаю, был бы просто скандальным, с непредсказуемыми последствиями.

Этого мы допустить не можем. Это вызвало бы разочарование во всем мире, не только в наших странах. Вот, собственно, замысел встречи в Вашингтоне, какой она должна быть, с какими результатами. Такое понимание и подтолкнуло нас, повторяю, к инициативе о проведении рабочей встречи здесь, в Исландии, в Рейкьявике, чтобы по-деловому разобраться во всем, внимательно выслушать друг друга, попытаться найти точки соприкосновения, общие подходы, которые бы отвечали интересам и наших двух стран, интересам наших союзников и народов всех стран.

А американцы все-таки приехали сюда с пустыми руками, с нафталинным набором, от которого уже задыхаются Женевские переговоры. Мы, чтобы сломать сложившуюся ситуацию, открыть дорогу, вывести процесс переговоров на новый этап и действительно решать вопросы, внесли предложения, о которых я вам рассказал. А что произошло, вы тоже теперь знаете.

Что же делать дальше? Остаются Соединенные Штаты как реальность, да еще какая реальность, остается Советский Союз – как тоже внушительная реальность. Герой одного нашего русского писателя собирался, вы знаете, Америку «закрыть». (*Речь идет о варианте текста «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина, где ретивый начальник получает донос, автор которого требует «закрыть Америку!».*) Мы свободны от такого комплекса. Америка – это реальность. Но не только СССР и США – весь современный мир – реальность. И сейчас нельзя не только заработать авторитета, а главное – решить проблемы, если не учитывать этой реальности нынешнего мира.

А вот что мы очень почувствовали на этой встрече, так это дефицит нового мышления. Опять возник перед нами этот призрак погони за военным превосходством. Летом я встречался с господином Никсоном, и он мне тогда сказал: опираясь на свой огромный жизненный и политический опыт, имею право сделать вывод, что погоня за этим призраком завела нас далеко. (*Встреча М.С. Горбачева с Р. Никсоном состоялась 18 июля 1986 года.*) И теперь мы не знаем, как выбраться из этих завалов, какими являются накопленные горы ядерного оружия. Все это осложняет, отравляет обстановку в мире.

Думаю, тем не менее, что все то, что состоялось здесь, – а ведь были уже почти готовые договоренности, их только не удалось оформить – имеет большое значение. Мы вносили свои предложения в пакете. Думаю, вы понимаете, почему это делалось. **И сам путь, который мы прошли здесь, в Исландии, к таким крупным договоренностям о столь значительных сокращениях ядерного оружия, – это уже огромный опыт, который мы получили здесь, это огромные приобретения.**

Думаю, что нужно еще обдумать и Президенту США, и нам всю ситуацию, которая в конечном итоге сложилась здесь на встрече, еще раз вернуться к обсуждавшимся вопросам и попытаться перешагнуть через то, что нас разделяет. Мы ведь о многом уже договорились, через многое прошли.

Возможно, Президенту надо посоветоваться и с конгрессом, и с политическими кругами, и с американской общественностью.

Пусть обдумает Америка. Мы подождем, не снимая наши предложения, которые мы обнародовали, и по сути дела подошли к тому, чтобы договориться по ним. Это во-первых.

Во-вторых, я думаю, что все реалистические силы в мире должны сейчас действовать. **Все живущие на Земле – в социалистическом мире, в капиталистическом мире, в развивающемся мире – имеют сейчас уникальный шанс – наконец реально взяться за прекращение гонки вооружений, запретить ядерное оружие, уничтожить его и отвести от человечества ядерную угрозу.** Этой задаче было подчинено и наше предложение Президенту – давайте договоримся о том, чтобы наши представители сразу по завершении встречи в Рейкьявике сели за переговоры по запрещению ядерных взрывов. Причем мы подошли гибко, заявили, что рассматриваем это как процесс, в ходе которого можно было бы рассмотреть на каком-то этапе, может быть, даже в первоочередном порядке, и вопрос о «порогах» мощности ядерных взрывов, и вопрос о количестве ядерных взрывов в год, и о судьбе договоров 1974 и 1976 годов и, таким образом, шли бы к разработке полномасштабного договора о полном и окончательном запрещении ядерных взрывов.

Мы были близки к нахождению формулы и по этому вопросу. Кстати, мы сказали на встрече: не требуем от вас моратория. Дело ваше. Вы отчитываетесь перед своим конгрессом, перед народом, будете ли вы, после того как начнутся переговоры, продолжать взрывать, или вы присоединитесь к нашему мораторию. Это дело ваше. Но давайте сядем за полномасштабные переговоры для выработки соглашения о полном и окончательном запрещении ядерных взрывов.

Таким образом, и здесь проходило сближение. Но когда произошел разрыв по ПРО, тогда оборвалась вся дискуссия, приостановились все поиски. Мы прекратили нашу встречу.

Я думаю, сейчас мы с американцами должны все обдумать, да и мировое общественное мнение должно обдумать сложившуюся ситуацию по главному вопросу, который беспокоит народы всех стран, – по вопросу войны и мира, ядерной угрозы. Мне думается, я не преувеличиваю, когда считаю, что все, что мы предлагали Президенту, отвечает интересам и американского народа, и народов всех стран. Если кому-то так не кажется, то пусть как следует прислушается к тому, что требуют американский народ, советский народ, все народы.

Приехав сюда на встречу, я сказал, что пришло время действий. Действительно, время действий настало, и нам нельзя его терять. Мы будем действовать. Мы от своей линии на мир, на борьбу против гонки вооружений, за запрещение и ликвидацию ядерного оружия, за то, чтобы отвести угрозу от всего земного шара, не отступим. И я уверен, мы в этой борьбе не одиноки.

Вот что я хотел вам сказать сейчас, сразу после завершения встречи. Видимо, я мог бы и больше сказать, если бы у меня было больше времени обдумать все, что произошло. Но мне кажется, я выражался вполне ясно и определенно по всем вопросам.

В ходе бесед с Президентом мы касались и многих других вопросов. Мы говорили по гуманитарным вопросам, и тут выходили на конкретные проблемы. Работали две группы экспертов. Вы об этом, наверное, знаете. Во главе одной – от нас был Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба Ахромеев, от американской стороны – Пол Нитце. Они работали практически всю ночь.

Группу по гуманитарным вопросам с нашей стороны возглавлял заместитель министра иностранных дел Бессмертных, со стороны американцев – заместитель госсекретаря госпожа Риджуэй.

Там тоже был интересный обмен мнениями. И определенное взаимопонимание, которое там имело место, могло бы стать составной частью итогового документа. Но поскольку разрушилось главное, остановился весь процесс.

Как видите, в общем была интересная встреча, важная, многообещающая. Но пока она завершилась вот таким образом.

Не будем впадать в отчаяние. Я думаю, встреча вывела нас на очень важный этап – этап понимания, где мы находимся. И она показала, что договоренности возможны. В этом я убежден.

Благодарю вас за внимание.

Неужели у вас даже после такой моей подробной речи еще будут вопросы? Ну давайте. До зари будем сидеть.

Вопрос (чехословацкое телевидение). Михаил Сергеевич, Вы сказали, здесь, в Рейкьявике, был упущен исторический шанс. Когда, по Вашему мнению, может появиться новый шанс?

Ответ. Я бы, знаете, дал на это оптимистический ответ. Потому что уже многое проделано и накануне встречи, и на самой встрече. И если с реалистических позиций и в Соединенных Штатах, в Белом доме, и у нас в советском руководстве еще раз все обдумаем и проявим ответственность, то еще не потеряна возможность решить уже поставленные вопросы.

Вопрос (японская телекомпания Эн-эйч-кей). Значит ли, что диалог с США, с администрацией Рейгана еще продолжается? Или Вы думаете, что для продуктивного диалога с Рейганом возможностей остается очень мало?

Ответ. Я думаю, что сейчас еще больше возросла необходимость в диалоге, каким бы он ни был трудным.

Вопрос (газета «Правда»). Михаил Сергеевич, как Вы считаете, все-таки почему американская администрация пошла на срыв переговоров, приняв такое безответственное решение, игнорируя мировое общественное мнение?

Ответ. По-моему, Америка должна еще определиться. Она, кажется, еще не определилась. И это, как мы чувствовали, сказывалось на позиции Президента.

Вопрос (Австралийская радиовещательная корпорация). Вы сказали, что Президент Рейган находится в пленау военно-промышленного комплекса. Значит ли это, что следующие два года будут безрезультатными?

Есть ли у Вас надежда, что следующий Президент США не будет в плену этого комплекса?

Ответ. При всем том, что ныне представляет собой военно-промышленный комплекс, и при всем том, какой вес он занимает в сегодняшней Америке, не будем переоценивать его возможности. **Решающее слово за народом в любой стране, в том числе и за американским народом.**

Вопрос (исландское радио и телевидение). После негативного результата встречи попытается ли Советский Союз противопоставить что либо американской программе СОИ и не запустит ли он на полную мощь свою программу космических вооружений?

Ответ. Я думаю, вы поняли смысл советской позиции. Если сейчас мы подошли к этапу, на котором начинаем глубокое сокращение ядерного оружия – и стратегического, и средних ракет – а мы с американцами уже выходили на договоренность сделать это в течение десяти лет, то мы вправе требовать, чтобы в этот период мы были гарантированы, что ничего неожиданного, непредвиденного не произойдет. Это включает и такую сферу, как ПРО, и особенно ее космический эшелон.

Я сказал Президенту, что нас СОИ в военном отношении не беспокоит. По-моему, и в Америке уже мало кто верит, что можно создать такую систему. Более того, если в конце концов Америка решится на это, наш ответ не будет симметричным. Правда, сказал я Президенту, Вы знаете, что меня уже сделали вашим соратником по СОИ. Он удивился. Оказывается, говорю, в связи с тем, что я так остро критикую СОИ, это дает Вам самый убедительный аргумент, что СОИ нужна. Вы просто говорите: раз Горбачев против, значит, это хорошее дело. И вы собираете аплодисменты и финансирование. Правда, появились циники и скептики, они говорят: а вдруг это коварный замысел Горбачева – самому не втягиваться в СОИ, а Америку разорить. Так что пусть разбираются сами. Во всяком случае нас СОИ не пугает. Это я уверенно заявляю, потому что в таких вопросах заниматься

блефом – дело безответственное. Ответ на СОИ будет. Асимметричный, но будет. При этом нам не придется жертвовать многим.

Но в чем ее опасность? Первое – опасность политическая. Сразу создается ситуация, которая вносит неопределенность, подогревает недоверие друг к другу, подозрение. И тогда уж тут не до сокращений ядерного оружия. Короче говоря, для того чтобы основательно заняться сокращением ядерного оружия, нужна совсем другая ситуация. Во-вторых, есть все-таки и военная сторона. Через СОИ можно выйти на новые виды оружия. Это мы тоже компетентно можем сказать. И выйти на совершенно новый этап гонки вооружений, с очень серьезными последствиями.

Получается, что, с одной стороны, мы договариваемся начинать сокращать ядерное оружие, сегодня оно самое опасное и страшное. А с другой стороны, мы должны благословлять исследования, и даже в космосе проводить их, чтобы создать новейшее оружие. Это же противоречит нормальной логике.

Вопрос (газета «Вашингтон пост»). Вы только что провели еще одну двухдневную встречу с Президентом Рейганом. Какое у Вас сложилось впечатление от Президента как от политического деятеля? Считаете ли Вы, что он разделяет Ваше чувство ответственности за судьбы мира?

Ответ. У меня такое впечатление, что мы с господином Рейганом можем продолжать диалог и заниматься поисками развязок крупных, животрепещущих проблем, в том числе и тех, о которых я говорил.

Вопрос (датское телевидение). С учетом неудовлетворительных итогов данной встречи, означает ли это, что не будет прогресса по вопросу о запрещении ядерных испытаний и по другим вопросам, которые обсуждались вчера и сегодня? Увязывается ли запрещение ядерных испытаний с другими вопросами, которые рассматривались в Ваших беседах?

Ответ. Я уже ответил на этот вопрос. Мы считаем, что на этом не обрываются ни наши контакты с американцами и с Президентом, ни тем более международные отношения. Поиски продолжаются и будут продолжаться. И

то, что произошло здесь, в Исландии, тем более должно заставить всех почувствовать, что надо включаться в общую борьбу за нормализацию международной обстановки, за поиск выходов из тупиковых ситуаций, в том числе и тех, о которых речь шла здесь, в Рейкьявике. Собственно, один из тупиков здесь и возник. Но я оптимист.

Вопрос (телевидение ГДР). Вы сказали, что встреча не дала результатов. Означает ли это, что она была бесполезной? Как Вы считаете, стал ли мир после встречи в Рейкьявике надежнее?

Ответ. Я думаю, вы хорошо продумали свой вопрос. У наших немецких друзей мне всегда нравится точность выражений, в том числе и мыслей. То, что мы завершили встречу, не договорившись по вопросам, к которым мы, кажется, нашли подходы, – это, конечно, печально, это разочаровывает. Несмотря на это, я бы не назвал встречу бесполезной. Наоборот, она – ступень в сложном и трудном диалоге в поисках решений. Ведь мы в общем-то ищем нелегкие решения по нелегким вопросам. Поэтому **давайте не будем сеять по миру панику. В то же время надо, чтобы мир знал все, что происходит, и не чувствовал себя сторонним наблюдателем. Сейчас подошло время активных действий всех сил.**

Вопрос (американская телекомпания Эй-би-си). Господин Генеральный секретарь, я не понимаю, почему, когда Вы с Президентом Рейганом имели возможность добиться соглашения по сокращению ядерных вооружений, советская сторона не согласилась с исследованиями по СОИ. Ведь Вы сами в свое время говорили в Женеве, что готовы заплатить большую цену за сокращение ядерных вооружений. И сейчас, когда были такие возможности, Вы их упустили.

Ответ. В вашем вопросе уже содержится элемент критики, поэтому я отвечу на него подробно.

Во-первых, Президент США приехал в Рейкьявик с пустыми руками. Американская делегация, я бы сказал, нам привезла хлам с Женевских переговоров. И **только благодаря далеко идущим предложениям советской**

стороны мы смогли близко подойти к очень крупным договоренностям (оговариваюсь: они не были оформлены) по сокращению стратегических наступательных вооружений, по средним ракетам. Естественно, мы надеялись, что в этих условиях – и я думаю, это вполне понятно и политику, и военному, и просто нормальному человеку, – раз мы подписываем подобные крупные договоренности, надо позаботиться, чтобы не произошло ничего, что сорвало бы этот трудный процесс, к которому мы шли десятилетия. Я уже говорил, что имеется в виду. Добавлю: американская сторона давно уже подкапывается под ПРО. Она уже поставила под сомнение ОСВ-2, и теперь ей хотелось бы в Рейкьявике организовать похороны ПРО, причем с участием Советского Союза и Горбачева. Это не пройдет. Весь мир бы нас не понял. И я в этом убежден.

Если мы начнем еще атаковывать и ПРО – последний механизм, столько сделавший для того, чтобы все-таки сдержать процесс гонки вооружений, – тогда мы ничего не стоим как политики. Но мало сохранить его, когда начинаются глубокие сокращения ядерных вооружений, его надо упрочить. И мы предложили механизм упрочения – не пользоваться в течение десяти лет, за которые мы и сократим полностью, уничтожим ядерный потенциал в наших странах, – не пользоваться правом выхода из ПРО.

В то же время, чтобы никто не стремился – ни Советский Союз обойти Америку в исследованиях по космосу и вырваться вперед, добиться военного превосходства, ни Америка в отношении Советского Союза, – мы сказали: мы – за лабораторные исследования и испытания, но против выхода с этими исследованиями и испытаниями частей космического ПРО в космос. Вот наше требование. Таким образом, наше требование в этом случае тоже было конструктивным, учитывающим позиции партнера. Если бы на это согласились, администрация получала бы возможность в рамках лабораторных исследований решать свои вопросы, но без попыток создать

космическую ПРО. Я думаю, тут логика, как говорят дети, железная. У детей тоже надо иногда учиться.

Теперь дадим слово женщинам.

Вопрос (газета «Гардиан»). Планирует ли Советский Союз какие-то новые инициативы в отношении Западной Европы после того, что произошло в Рейкьявике?

Ответ. Я думаю, Западная Европа слышит, что я говорю, и если она подумает и внимательно изучит наши предложения, то увидит, что они отвечают интересам Западной Европы. Мы далеко не безразличны к интересам Западной Европы, в которой пускают корни ростки нового мышления и в которой нарастает ответственность за сохранение и упрочение нашего общего «европейского дома».

Вопрос (журнал «Ньюсук»). Каковы Ваши намерения относительно поездки в Вашингтон? Вы говорили о том, что до этого необходимо добиться одного-двух соглашений. Возможно ли достижение таких соглашений прежде, чем Вы прибудете в Вашингтон с визитом?

Ответ. Думаю, что, несмотря на весь драматизм сегодняшнего дня, мы не удалились от Вашингтона, а приблизились к нему. И если Президент и американская администрация прислушаются к моему предложению продолжить изучение всего того, о чем шла речь здесь, в Рейкьявике, и посоветуются в тех кругах, в которых считут необходимым, я думаю, не все потеряно. Есть возможности, опираясь на то, что мы здесь имели в Рейкьявике, выйти на такие соглашения, которые бы сделали реальной и возможной встречу в Вашингтоне. И она могла бы быть результативной.

Вопрос (американская телекомпания Си-эн-эн). Господин Горбачев, Вы говорили в своем выступлении, что Президент Рейган должен подумать над ситуацией и посоветоваться с Конгрессом, посоветоваться с американским народом. Считаете ли Вы, что американское общественное мнение поддержит советский подход в этом плане?

Ответ. Подождем, увидим.

Вопрос (газета «Руде право»). У меня вопрос к Вам как к политическому деятелю и юристу. Как, по Вашему мнению, выглядят приоритеты в вопросах прав человека в ракетно-ядерный век и какую роль может сыграть человеческий фактор в решении вопроса войны и мира?

Ответ. Вы, смотрю, философ. Я тоже раньше занимался философией и теперь опять стал ею интересоваться. **Думаю, когда мы говорим о правах человека, то должны помнить, что сегодня вопрос о сохранении мира, о том, чтобы отвести ядерную угрозу от человека, – это самый главный приоритет.** Будет мир – будет жизнь. А с проблемами как-нибудь разберемся. Все больше становится в мире образованных людей, образованных народов. Народы во всем разберутся. Поэтому, когда мы говорим о правах человека, я бы на первое место поставил право человека на жизнь. Это первое.

И второе – о человеческом факторе. В ядерный век (и в этом я вижу как раз проявление нового мышления) угроза войны по-новому ставит и вопрос о роли человеческого фактора в деле ее предотвращения. Ядерная война коснется всех, независимо от того, где она начнется. Только недоброжелатели считают, что все антивоенные движения, все, кто выступают в защиту мира, это – результат происков Москвы. Сегодня женщины, дети, мужчины всех возрастов поднимаются, берутся за руки и требуют остановить опасную тенденцию сползания к ядерной войне. Роль человеческого фактора в этих условиях значительно возрастает.

Вопрос (газета «Известия»). В Белом доме много и часто говорили о том, что главная опасность для Америки – это советские межконтинентальные ракеты. Мы же предложили в Рейкьявике в течение десяти лет эту главную опасность для Америки ликвидировать. Каково Ваше впечатление, почему другая сторона оказалась не готовой к тому, чтобы снять, отвести от своей страны эту главную опасность?

Ответ. Вы очень правильно подняли этот вопрос. Много лет использовался этот аргумент: Советский Союз, дескать, не настроен серьезно

на разоружение, на прекращение гонки вооружений, поскольку он не учитывает озабоченности Америки в этом плане.

Как видите, мы предложили пойти на радикальные сокращения. Причем поставили вопрос очень резко. Есть триада стратегических вооружений, признанная и нами, и американцами. Мы предложили всю эту триаду стратегических вооруженных сил сократить в первые пять лет на 50 процентов. Это крупный шаг.

Но вместе с тем мы американцам сказали, что и у нас есть озабоченность. Ведь в США большая часть стратегических сил развернута на подлодках. Это около 700 ракет, на которых находится почти 6000 РГЧ индивидуального наведения. А подлодки, как известно, курсируют в морях и океанах вокруг Советского Союза. Откуда они нанесут удар? Это не менее опасно, чем тяжелые ракеты наземного базирования.

Одним словом, когда не хотят решать вопросы, тогда ищут проблемы, создают искусственные препятствия. Однако здесь, в Рейкьявике, мы лишили почвы подобные выдуманные препятствия. Вот что важно. Ведь мы пошли на очень крупный шаг, сняв, как я уже говорил, оговорки относительно средних ракет, которые для нас представляют собой стратегическое оружие. Да и средства передового базирования мы сбросили с зачета. Вот наша добрая воля. Но американцы, тем не менее, не пошли навстречу.

Они думают, что через космос добываются военного превосходства над нами и реализуют идею одного Президента, который сказал: кто будет господствовать в космосе, тот будет господствовать на Земле. Это показывает, что нам приходится иметь дело с имперскими амбициями.

Но мир сегодня не тот, что прежде. Он не хочет быть и не будет вотчиной ни Соединенных Штатов Америки, ни Советского Союза. Каждая страна имеет право на свой выбор, на свою идеологию, на свои ценности. Если мы не признаем этого, тогда нет международных отношений. Тогда есть хаос и кулачное право. Мы с этим никогда не согласимся.

Америка, наверное, очень тоскует по старым временам, когда в военном отношении она нас превосходила – ведь мы вышли из войны ослабленными экономически.

Ностальгия по прошлому в Америке, видимо, есть. Тем не менее мы пожелаем нашим американским партнерам осознать сегодняшние реальности. Это им тоже необходимо сделать. Иначе, то есть если американцы не начнут мыслить сегодняшними категориями, исходить из нынешних реальностей, мы не продвинемся в поисках правильных решений.

Вопрос (болгарское телевидение). Насколько я понял, переговоры в Женеве не прекращаются, и советское руководство намерено дать советской делегации поручение искать решение вопросов, которые до сих пор не разрешены?

Ответ. Вы правы.

Вопрос. Думаете ли Вы, что те же самые инструкции будут даны и американской делегации после Рейкьявика?

Ответ. Я надеюсь, что это будет именно так.

Вопрос (телеграфное агентство ЧТК – Чешское информационное агентство). Какое, по Вашему мнению, влияние окажет исход встречи в Рейкьявике на общеевропейский процесс?

Ответ. Я думаю, что и политики, и народы Европы в этот очень ответственный момент окажутся на высоте. Время требует действий, а не просто велеречивых заявлений, за которыми не следует ничего конкретного. Мир устал, миру надоела болтовня, мир нуждается в реальном прогрессе: в разоружении, в ликвидации ядерного оружия. И я думаю, что эта тенденция будет нарастать. Особенно я надеюсь на мудрость и ответственность политиков и народов Европы.

Вопрос (американская телекомпания Эн-би-си). Как я понимаю, Вы напрямую обращаетесь с призывом к другим членам международного сообщества выступить в качестве своего рода лобби, с тем чтобы повлиять на Соединенные Штаты и заставить их изменить свое мнение?

Ответ. Нам известно, насколько у вас развит лоббизм, как идет политический процесс в Америке. Может быть, поэтому и Президенту трудно было принять решение на этой встрече. Но **когда речь идет о том, чтобы упрочить мир, предпринять реальные шаги с этой целью, когда нужны совместные усилия – это касается всех, а не только Соединенных Штатов и Советского Союза**, – поэтому надо говорить не о лоббизме, а о чувстве ответственности, о здравом смысле народов, о понимании той ценности, какой является мир, и необходимости его уберечь. Поэтому обвинять народы или движения, выступающие за мир, называя их лоббистами в пользу Советского Союза, – оскорбительно. Речь идет о том, что люди отстаивают свою политическую и гражданскую позицию.

Вопрос (исландская газета «Моргунбладид»). Я работаю в Исландии издателем газеты. Не вызвало ли у Вас трудности решение поехать в Рейкьявик? Ведь Исландия – член НАТО? В то же время, как известно, наше правительство выступило за объявление Севера безъядерной зоной, и мне хотелось бы узнать Ваше отношение к этому.

Ответ. Я хотел закончить этой темой и с удовольствием воспользоваться вопросом представителя прессы Исландии. Хочу напомнить, что именно мы предложили Исландию как возможное место встречи. Поэтому никаких трудностей у нас на этот счет не было.

Я хочу поблагодарить правительство Исландии, народ Исландии за то, что они свой потенциал – и человеческий, и организационный, и материальный – использовали для того, чтобы помочь в организации этой важной встречи. Мы благодарны за это, и чувствовали себя здесь хорошо. Много интересного я получил из информации Раисы Максимовны, у которой было много встреч с исландцами. Все эти контакты были очень интересны. Радует дружелюбная атмосфера, большой интерес к нашей стране. Мы благодарны Исландии, исландскому правительству за то, что они сделали. Желаем процветания вашему народу.

Что касается последней части Вашего вопроса относительно того, что правительство Исландии хочет объявить Север безъядерной зоной, то мы это приветствуем.

Дорогие друзья, благодарю вас за внимание. Думаю, мы с вами провели время полезно. Желаю вам всего доброго.

Собрание сочинений М.С. Горбачева. Т. 5. С. 45-64.